

ВОИНСКИЕ ПОЯСА ВОЛГО-УРАЛЬЯ РУБЕЖА ЭР

© 2022 г. С.Э. Зубов

В статье рассматривается появление воинских наборных поясов в исследованных археологических памятниках на территории Волго-Уралья на заключительном этапе эпохи раннего железного века. К таковым относятся ранние захоронения Андреевского (погр. 25/1-3, 50) и Староардатовского (погр. 1) курганов, соотносимых в настоящее время с памятниками писеральско-андреевского типа и погребение 43 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника пьяноборской культуры. Данные комплексы надежно датируются I в. н.э. Наборные пояса из пяти ранних захоронений Андреевского и Староардатовского курганов позволяют говорить о сформированной традиции украшения воинских ремней металлическими накладками и подвесками. В контексте предположения В.В. Ставицкого об участии воинов, оставивших памятники писеральско-андреевского типа, в военных событиях середины I в. н.э., автором статьи делается вывод о возможном появлении такой традиции. Знакомство с римскими воинскими поясами, украшенными металлическими накладками, вполне могло трансформироваться в особый элемент воинской субкультуры. В то же время, это было не простое заимствование украшений пояса. Элементы украшения пояса наполнились оригинальным семантическим значением – в виде изображений клыков хищников или традиционными для оседлого населения лесостепи и леса коническими бляшками и ромбовидными накладками.

Ключевые слова: археология, Волго-Уралье, ранний железный век, воинские пояса, воинская субкультура, поясные накладки и подвески.

**WARRIOR BELTS FROM THE VOLGA-URALS AREA
AT THE TURN OF ERA**

S.E. Zubov

The author considers emergence of warrior plated belts in the explored archaeological sites in the Volga-Urals area at the final stage of the Early Iron Age. These sites include early burials of the Andreevka (burials 25/1-3, 50) and Staroye Ardatovo (burial 1) mounds which are currently correlated with the sites of the Piseraly-Andreevka type, and burial 43 of the Kipchakovo I mound-subsoil burial ground of the Pyanobor culture. These complexes are reliably dated to the 1st century A.D. The plated belts from five early burials of the Andreevka and Staroye Ardatovo barrows are indicative of the established tradition to decorate warrior belts with metal plates and pendants. In the context of V.V. Stavitsky's assumption that the warriors who left the sites of the Piseraly-Andreevka type participated in the military events in the middle of the 1st century AD, the author concludes concerning the emergence of this tradition. Familiarity with the Roman warrior belts decorated with metal plates is likely to have converted to a specific element of warrior subculture. At the same time, it was not merely adoption of belt decoration. The elements of belt decoration gained original semantic content expressed by the figures of predator fangs or conical buckle and diamond-shaped plates traditional for the sedentary population of the forest-steppe and forest areas.

Keywords: archaeology, the Volga-Urals area, Early Iron Age, warrior belts, warrior subculture, belt plates and pendants.

Пояс во все времена выполнял прежде всего утилитарную функцию и предназначался для завязывания, закрепления запахиваемой одежды. К поясу часто крепился различный необходимый в жизнедеятельности инструментарий. В военной сфере пояс стал служить основной системой для подвешивания предметов бытового характера (нож, кресало, шило и пр.) и вооружения (меч, кинжал, колчан со стрелами и пр.). В то же время с глубокой древности пояс играл значительную обрядовую роль и упоминался в различных мифо-

логических сюжетах. Во многих культурах пояс был символом силы и власти, готовности к действию, супружеской верности, являясь также и аллегорией девственности. Со временем этот аксессуар приобретает социальную функцию, становясь определенной статусной вещью, показывающей уровень богатства или принадлежности к определенному сословию. Даже сегодня сохранилась традиция обозначения статуса уровня мастерства в некоторых восточных боевых искусствах, обозначающегося различным цветом пояса. А в боксе,

дзюдо, самбо и др. практикуется вручение чемпионских поясов как аналога спортивных победных регалий.

В средневековой археологии достаточно четко утвердился термин «воинские наборные пояса», которые рассматриваются не как простая совокупность украшений, а как очень важный предмет одежды воина. В настоящее время специалистами делается упор не только на культурную и хронологическую принадлежность наборных поясов, но и ставятся вопросы социальной стратификации и семантической составляющей форм, изображений, орнаментов.

У тюрков эпохи каганатов наборные воинские пояса имели ярко выраженную социальную символику, приобретая статус воинских регалий (Добжанский, 1990, с. 74–80; Комар, 2005, с. 160–188; Юрченко, 2015, с. 22). Воины разных рангов за заслуги награждались поясами с фурнитурой из цветных металлов. Пряжки и наконечники ремней, количество поясных накладок и материал их изготовления (золото – серебро – бронза), по всей видимости, достаточно четко отражали статус своего хозяина, о чем свидетельствует, например, текст рунической надписи X в.: «Моя геройская доблесть. Мой пояс с 42 (чиновными) пряжками-украшениями» (Малов, 1952, с. 93). В среде енисейских тюрков фиксируется формула награждения воинским поясом: «Так как у него была доблесть, то у своего хана, мой бег Аза Тутук, достиг пряжки (чиновного пояса)» (Малов, 1952, с. 95).

На востоке в первые века нашей эры распространяются наборные пояса у носителей таштыкской культуры. Однако, по свидетельству П.П. Азбелева, таштыкские пояса относятся к периферийной имитации ранних версий круглобляшечной композиции и не имеют на Енисее прототипов, а «детальный разбор исторических обстоятельств сложения культуры таштыкских склепов составляет особую задачу, связанную с изучением истоков «принципа композитности» и путей распространения европейских и среднеазиатских типов на восток в первые века н. э.» (Азбелев, 2009, с. 28).

Довольно четко фиксировался статус воинского пояса в государственных образованиях с четкой иерархической структурой. Так, Децим Юний Ювенал в начале II в. н. э. описывал солдат Римской империи как «вооруженных и опоясанных людей» (Ювенал. «Сатиры», 16, 48). По свидетельству Корнелия Тацита, в Риме (69 г. н. э.) имел место случай, когда

некие шутники из простонародья срезали в толпе пояса (портупей) с нескольких солдат. «Воины, не привыкшие сносить насмешки, возмутились и с обнаженными мечами бросились на безоружную толпу» и убили нескольких мирных людей (Тацит. «История», 2, 88). Лишение воинского пояса (балтеуса) означало для римского солдата исключение его из военного сословия. В римской армии у дискредитировавшего себя солдата отбирали пояс, что прослеживается вплоть до современности. На память приходят фотографии военнопленных Первой и Второй мировых войн, да и на гауптвахтах в Советской армии, помнится, отбирали ремни.

На заключительном этапе эпохи раннего железного века в Волго-Уралье наборные пояса имели менее выраженный характер воинских регалий. Более того, следует отметить крайнюю редкость нахождения таких поясов в мужских захоронениях.

В материалах кара-абызской культуры наборные пояса с украшенными накладками в виде противоположащих грифонов являются «наиболее распространенной и характерной принадлежностью женского костюма» (Пшеничнюк, 1976, с. 66). С внутренней стороны накладок расположены по два ушка для крепления тонким ремешком к ремню.

Основные памятники этой культуры – Биктимировский, Охлебенинский, Шиповский, Ново-Уфимский могильники – были раскопаны А.Х. Пшеничнюком (1964, 1968, 1976). На основе полученных данных он представил реконструкции женского костюма (рис. 1) с поясными наборами в своих публикациях (Воробьева, 2009, рис. 3). Накладки с грифонами входят в состав многих женских поясов из комплексов рубежа IV–III вв. до н. э. – I–II вв. н. э. В поясной набор входят, как правило, 10–20 и более накладок (Воробьева, 2009). По технологии изготовления и стилизации они разделяются на два ведущих типа: выполненные в технике литья с реалистичным изображением грифонов и выполненные с помощью штампа с сильно стилизованным изображением (Овсянников и др., 2007).

Кроме таких накладок с грифонами, являющихся ведущей формой украшения женских поясов и, по сути, одним из культуuroобразующих элементов материальных остатков среднебелского населения, бытовали и накладки в виде ряда спаренных вертикально 3–4 круглых бляшек.

Только в двух мужских кара-абызских погребениях Шиповского грунтового могиль-

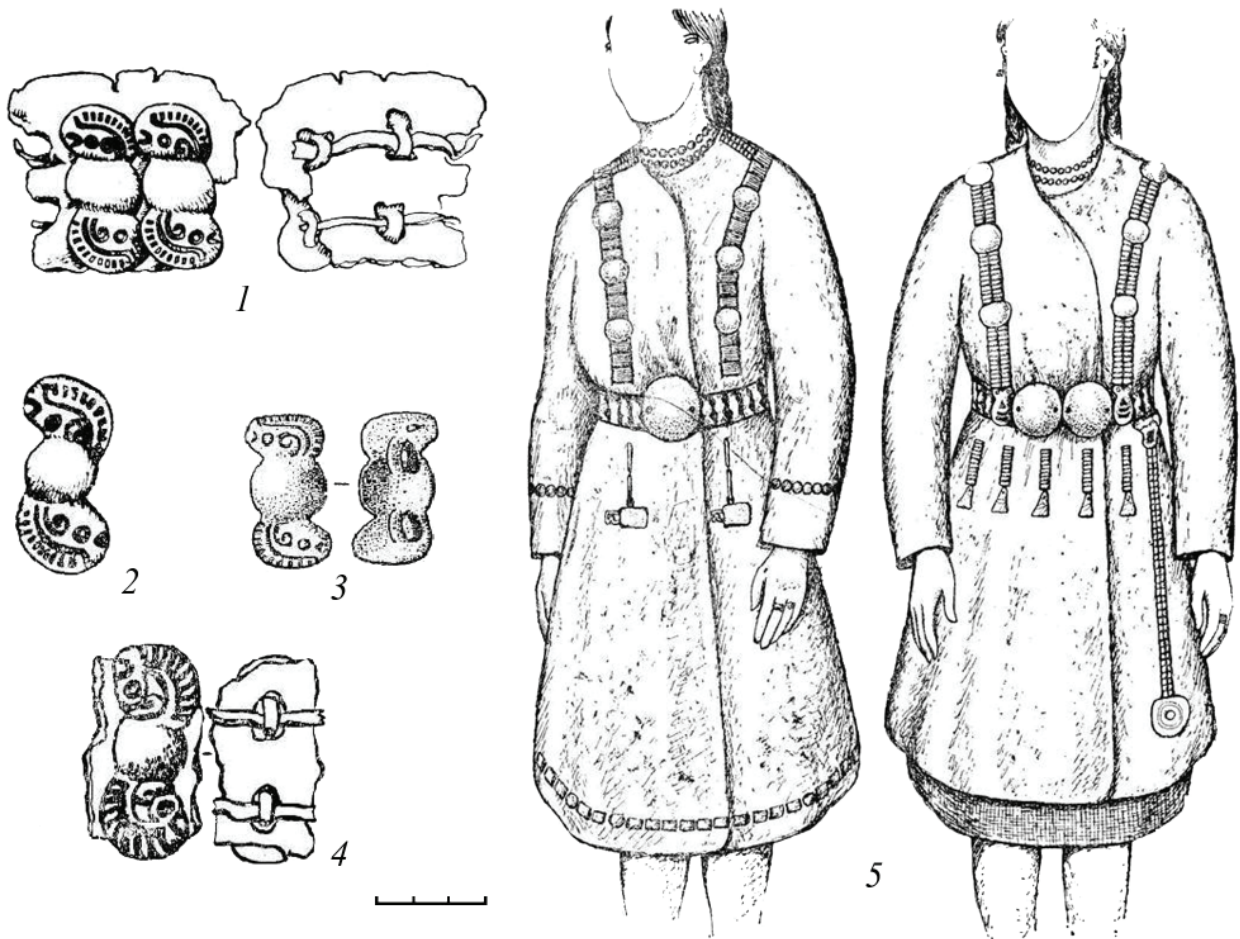

Рис. 1. Поясные накладки с грифонами в кара-абызской культуре (по: Воробьева, 2009, рис. 3). 1 – Шиповский могильник, погр. 23; 2 – Шиповский могильник, погр. 8; 3 – Охлебининский могильник; 4 – Шиповский могильник, погр. 2, кург. 17; 5 – реконструкция женских костюмов по материалам Биктимировского и Охлебининского могильника (по: Пшеничнюк, 1973. Рис. 13, 14. С. 186).

Fig.1. Belt plates with griffins in the Kara-Abyz culture (after: Vorobieva, 2009, p. 3). 1 – Shipovo burial ground, burial 23; 2 – Shipovo burial ground, burial 8; 3 – Okhlebinino burial ground; 4 – Shipovo burial ground, burial 2, barrow 17; 5 – reconstruction of women's costumes based on materials from the Biktimirovo and Okhlebinino burial grounds (after: Pshenichnyuk, 1973. Fig. 13, 14. P. 186).

ника (погр. 26 и 62) рубежа эр (наиболее вероятная дата I в. н. э.) пояса украшены ромбическими накладками с петелькой (ушком) на обороте (рис. 2: 11–13). В третьем мужском захоронении (погр. 89) выявлены бронзовые фигурные поясные накладки (всего 13 экз.) в сочетании с железной пряжкой с длинным щитком и бронзовым подвижным язычком (Пшеничнюк, 1976, рис. 22: 22) Это погребение, расположенное на периферии грунтового могильника, выходит за пределы интересующего нас времени, поскольку является более поздним и может быть датировано III в. н. э.

В пьяноборской среде пояса украшались ременными накладками (рис. 2: 1–10) преимущественно трех общих типов: прямоугольные с двумя рядами треугольных выемок и петельками на обороте (тип 1 с вариантами по Б.Б. Агееву); ромбические накладки

с петелькой на обороте (тип 3 с вариантами по Б.Б. Агееву); круглые выпуклые бляшки с перекладкой или петелькой на обороте, иногда они сдвоенные или соединены из 3–4 одинаковых бляшек (типы 4–6 с вариантами по Б.Б. Агееву) (Агеев, 1992, с. 43).

Анализ погребений с такими поясными накладками позволяет соотносить их в большинстве своем с женскими комплексами. Лишь немногие похороненные мужчины имели на поясе накладки. И хронологически такие мужские наборные пояса появляются на рубеже эр, в I веке н. э. Причем для мужских наборных поясов характерны ромбические накладки третьего (по Б.Б. Агееву) типа.

Пояс с такими ромбическими накладками был обнаружен в мужском погребении 43/2012 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника (рис. 3; 4). В первую очередь

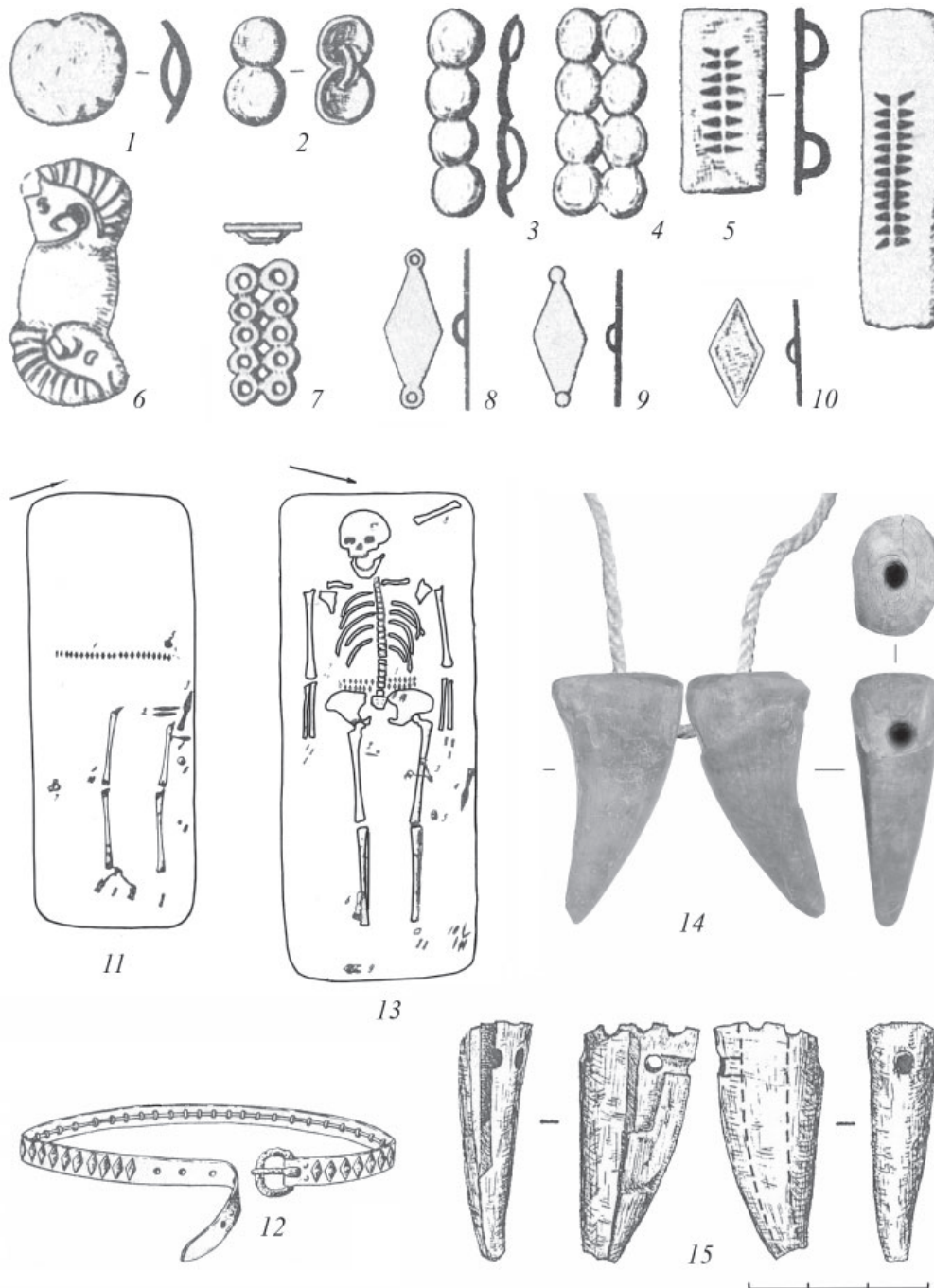

Рис. 2. Поясные накладки и подвески из клыков медведя в материалах памятников пьяноборской и карабызской культур. 1-10 – пьяноборские поясные накладки (по: Агеев, 1992. Табл. 8); 11 – погр. 26 Шиповского грунтового могильника; 12 – реконструкция пояса из погр. 26 Шиповского грунтового могильника; 13 – погр. 62 Шиповского грунтового могильника (11-13 – по: Пшеничнюк, 1976. Рис. 19, 22); 14 – подвеска из клыков медведя, Охлебининский могильник, погр. 234; подвеска из клыков медведя, Кипчакровский могильник, погр. 32/1994.

Fig.2. Belt plates and pendants made of bear fangs in the materials of the Pyany Bor and Kara-Abyz cultures. 1-10 – Pyany Bor belt plates (after: Ageev, 1992, Table 8); 11 – burial 26 of the Shipovo ground burial; 12 – reconstruction of the belt from burial 26 of the Shipovo ground burial; 13 – burial 62 of the Shipovo soil burial ground (11-13 – after: Pshenichnyuk, 1976. Fig.19, 22); 14 – pendant made of bear fangs, Okhlebinino burial ground, burial 234; pendant made of bear fangs, Kipchakovo burial ground, burial 32/1994.

интересно отметить характерную деталь расположения ремня не на поясе, а вытянуто вдоль тела (рис. 3: А). Такое расположение пояса далеко не единично встречается в погребальных комплексах могильников пьяноборской культуры. Так, например, женский пояс из погребения 51 Юлдашевского могильника с 18 накладками в виде противоположащих грифонов в кара-абызской традиции располагался на костяке вдоль тела (Пшеничнюк, 1986, с. 71, рис. 8). В могиле 318 Кушулевского III могильника пояс с накладками из зубов животного лежал вдоль костяка (Агеев, Мажитов, 1986, с. 78). В могиле 52 могильника Чеганда II пояс с медными накладками, с. 28). Предположив, что далеко не все пояса украшались накладками, Б.Б. Агеев произвел анализ всех планов погребений и дневников раскопок по особенностям расположения пряжек и застежек. В результате проведенной работы он определил наличие вытянутого вдоль тела пояса на Юлдашевском могильнике в 5, в погребениях могильника Ныргында II – в 4, на Новосасыкульском могильнике – в 5, на Афонинском – в 5 погребениях и по одному случаю в Урманаевском, Кушулевском III и Старо-Чекмакском могильниках (Агеев, 1992, с. 26). На этом основании автор предположил появление этого элемента погребальной обрядности под влиянием кара-абызского населения (Агеев, 1992, с. 26), на что указывают и находки в пьяноборских погребальных материалах поясных накладок с противоположащими грифонами – культурообразующим элементом кара-абызских древностей.

Возвращаясь к погребению 43/2012, следует отметить не совсем понятное крепление ремня. В головах расположена круглая небольшая железная пряжка (рис. 3: 33), которая вполне могла быть поясной. Смущают только ее небольшие размеры. Расположение в ногах сравнительно крупной бронзовой застежки с крючком (рис. 4: 6) скорее предполагает использование ее в качестве крепления ножен кинжала, нежели пояса. Хотя по своим размерам она более соотносится с ремненным фиксатором. Сюльгаму, расположенную в зоне груди (рис. 3: 1), мы не рассматриваем в качестве застежки пояса, хотя первоначально была и такая мысль.

Среди материалов Кипчаковского I кургано-грунтового могильника это первый случай нахождения пьяноборского мужского воинского наборного пояса, который по сопровождающему инвентарю уверенно датируется I в. н. э. Доступные материалы

опубликованных источников подтверждают уникальность этой находки.

При датировании захоронения в первую очередь было обращено внимание на ребристую халцедоновую бусину (тип 21, вариант а, по Е.М. Алексеевой). Аналогичные бусины Е.М. Алексеева датирует I–II вв. н. э. (Алексеева, 1982, с. 13, табл. 37: 23). Вторая бусина (тип 2, вариант а, по Е.М. Алексеевой) датируется очень широко как эллинистическим временем, так и римским в пределах III в. до н. э. – III в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 30, табл. 26: 9, 12).

Двулезвийный кинжал с кольцевым навершием имеет многочисленные убедительные аналогии в сарматских древностях I – нач. II вв. н. э. (Скрипкин, 1992, с. 13–14, 17, рис. 1; 3: 43–47; 4: 43–45).

Застежка с крючком для крепления кинжала к бедру соотносится с аналогичными застежками из погребений Тарасовского могильника, отнесенными Р.Д. Голдиной к типу 4 (3 экз., рис. 5: 1–3) – овальные, средняя часть покрыта плоской пластиной, украшенной ромбом, окантованным пояском из ряда насечек (Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 2; 8: 12) – и, возможно, к I в. н. э. (Голдина, 2018, с. 157). Обувные застежки с крючком четко соотносятся с застежками выделенного Р.Д. Голдиной типа 3 (22 экз.) – овальные с усеченным задним концом и закрытой сплошной бронзовой пластиной средней частью. Пластина украшена одним или двумя горизонтальными рядами точечного орнамента (Голдина, 2018, рис. 4: 1–5, 7–10, 12), иногда без орнамента (Голдина, 2018, рис. 4: 6) или с орнаментом в виде трех полос из накладывающихся друг на друга петель (Голдина, Бернц, 2016, рис. 10: 23; Голдина, 2018, рис. 4: 11). Все застежки этого типа Р.Д. Голдина уверенно относит к I в. н. э. (Голдина, 2018, с. 157). Наконец, круглая железная пряжка, пряжка-сюльгама и ромбические накладки пояса никоим образом не противоречат датировке погребения 43/2012 временем в пределах I в. н. э.

Интересно отметить, что и два вышеуказанных мужских погребения из Шиповского грунтового могильника также датируются в пределах I в. н. э.

Следует отметить, что в кара-абызской среде в части мужских захоронений были зафиксированы пояса, украшенные коренными зубами медведей. По нашим данным, в 12 погребениях Охлебининского могильника мужские ремни были украшены нашитыми медвежьими зубами (от 11 до 40 штук).

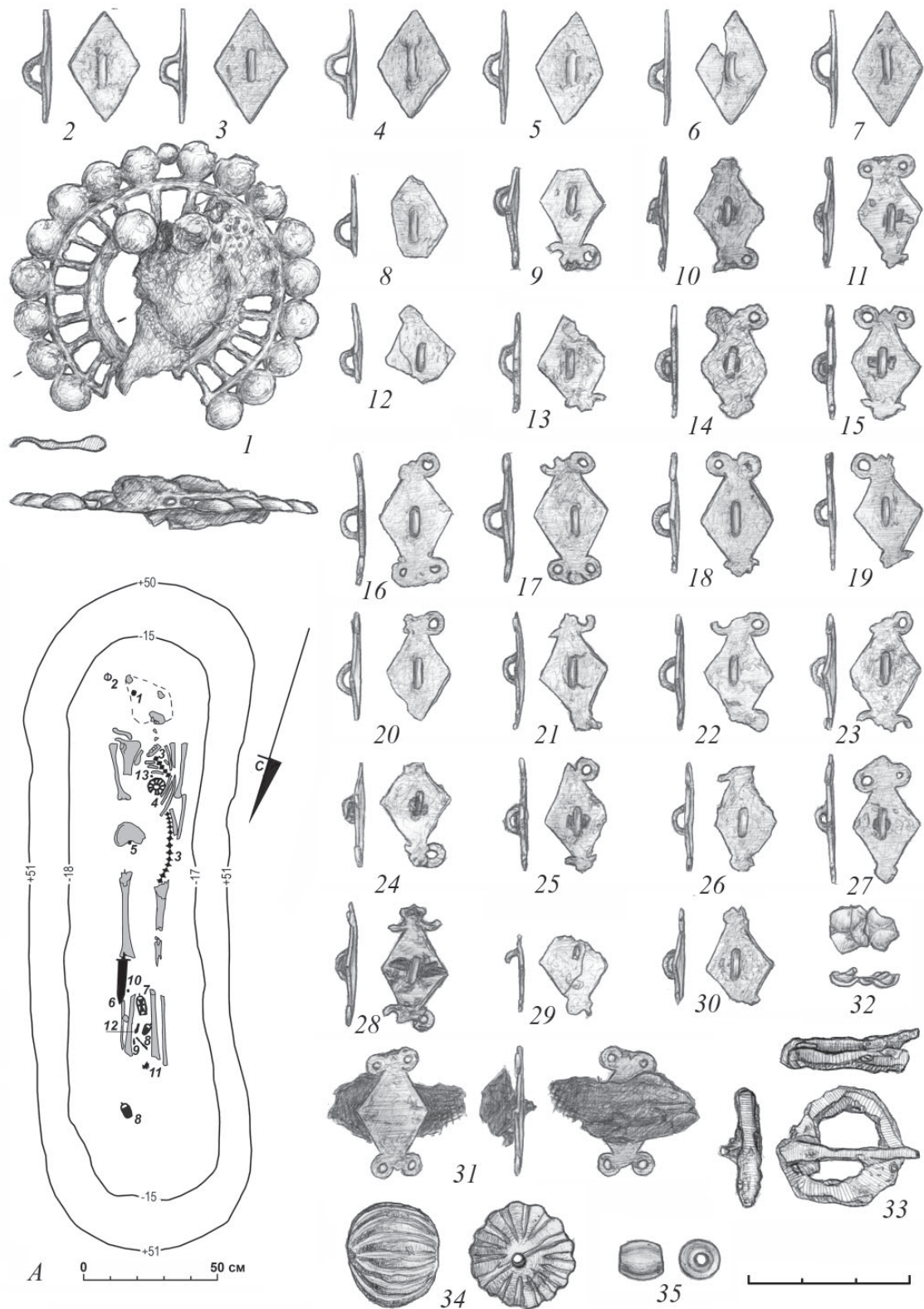

Рис. 3. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Материал погребения 43/2012. А – план погребения 43/2012; 1 – бронзовая сьюлгама; 2-31 – бронзовые накладки ремня; 32 – фрагмент бронзовой накладки; 33 – железная пряжка; 34 – халцедоновая бусина; 35 – стеклянная бусина

Fig.3. Kipchakovo I mound-soil burial ground. Burial material 43/2012. A – burial plan 43/2012; 1 – bronze sulgama; 2-31 – bronze plates of the belt; 32 – fragment of a bronze plate; 33 – iron buckle; 34 – chalcedony bead; 35 – glass bead

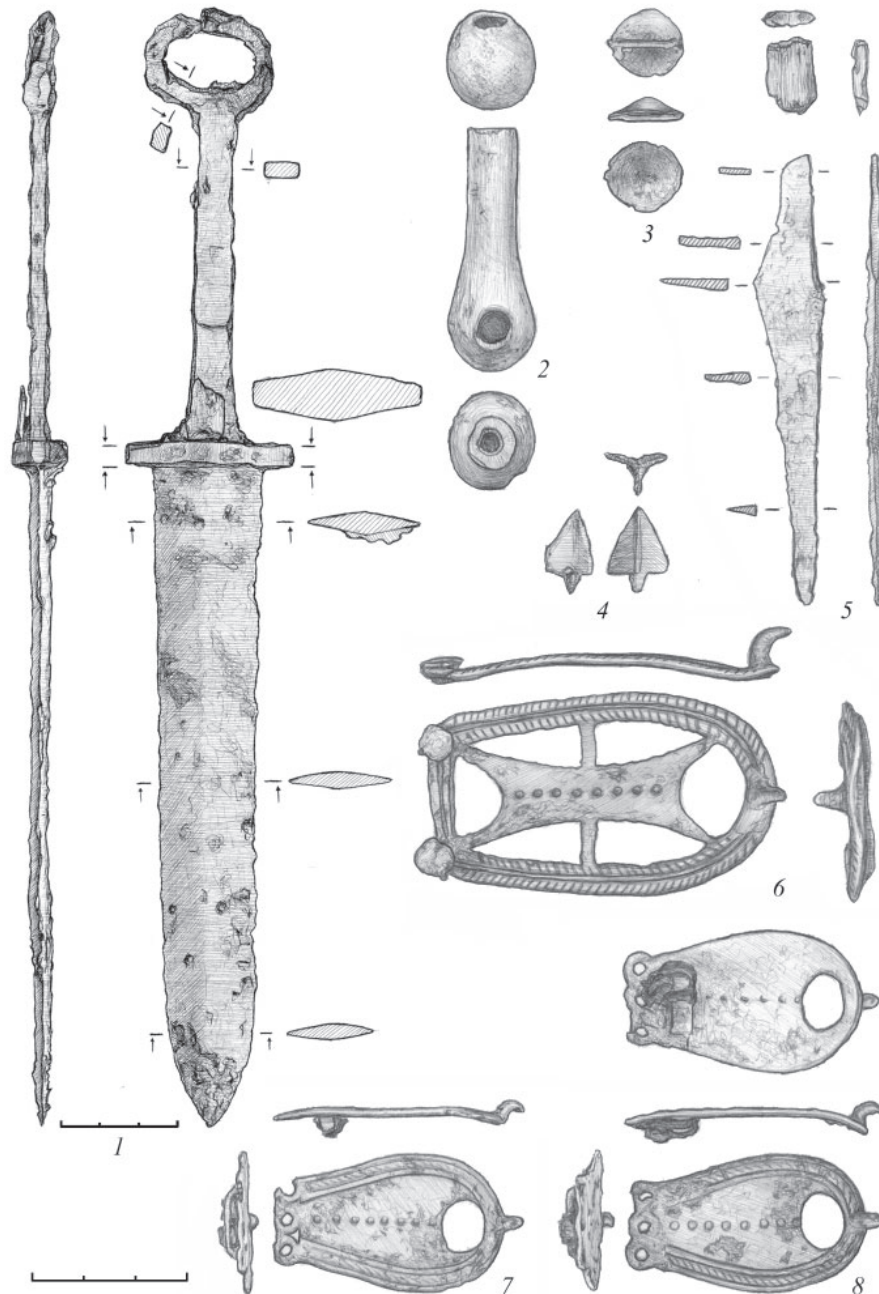

Рис. 4. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Материал погребения 43/2012

1 – железный кинжал; 2 – костяной предмет неясного назначения; 3 – бронзовая бляшка; 4 – железные наконечники стрел; 5 – железный нож с остатками деревянной рукояти; 6 – бронзовая застежка; 7-8 – бронзовые обувные застежки

Fig.4. Kipchakovo I mound-soil burial ground. Burial material 43/2012

1 – iron dagger; 2 – bone item of unclear purpose; 3 – bronze plaque; 4 – iron arrowheads; 5 – iron knife with the remains of a wooden handle; 6 – bronze clasp; 7-8 – bronze shoe clasps

В пьяноборском Кипчаковском I курганно-грунтовом могильнике были исследованы два мужских погребения с поясным набором из зубов медведя (63/1997, 8/2012). Анализируя поясной набор воинского погребения 8/2012, состоящий из 19 медвежьих зубов, археозологи В.В. Гасилин (Екатеринбург) и Н.В. Рослякова (Самара) определили их принадлежность к 8–9 особям (Зубов, 2021, с. 83).

Такие наборные пояса из зубов крупного хищника в комплексе с предметами вооружения являются показателем особой доблести и удачливости на охоте против такого серьезного и грозного зверя. Воины-охотники таким образом явно демонстрировали свои охотничьи трофеи и свою доблесть. В этом ключе интерес представляют подвески-амулеты из клыков медведя. Эти амулеты известны как в

виде одного клыка, так и в составе двух клыков с отпиленными корнями, связанных вместе у основания шнурком с помощью системы отверстий. Острия клыков при этом направлены в разные стороны (рис. 2: 14, 15). Такие подвески из двух или одного клыка известны в 11 мужских погребениях Охлебининского могильника кара-абызской культуры.

В пьяноборских древностях амулеты-подвески из клыков медведя известны в погр. 122 Кушулевского III могильника (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 14, 10). В.Ф. Генинг отмечает находку амулета из медвежьего клыка в погр. 9 могильника Ныргында II из раскопок 1898 г. (Генинг, 1970, с. 29). В Кипчаковском могильнике раннепьяноборского времени известны два случая обнаружения таких подвесок (погр. 32/1994 и 8/2012). Аналогичные амулеты известны в погр. 37 Андреевского кургана, входящего в круг памятников андреевско-писеральского типа (Гришаков, Зубов, 2009, с. 24, рис. 25, 7).

Можно предположить, что именно такой тип амулета послужил прообразом бронзовых «сапожковых» подвесок позднепьяноборского времени. Примечательно, что в погр. 5 Клишкинского I кургана в качестве амулета были использованы когти медведя, основания которых соединены при помощи медной фольги (Зубов, 2011, с. 82).

И здесь следует отметить интереснейший факт использования бронзовых подвесок-накладок с закрепившимся за ними названием «сапожковые» или «сапожковидные» населением, оставившим ярчайшие памятники писеральско-андреевского типа в Западном Поволжье. В двух могилах Андреевского кургана были зафиксированы воинские наборные пояса с бронзовыми накладками-нашивками и подвесками. Причем значительная часть из них повторяла в металле амулеты из клыков, которые располагались на поясе в виде накладок и привесок к поясу на ремешках.

Погр. 25 (рис. 5) являлось центральным и представляло собой большую грунтовую могилу с плечиками по длинным сторонам. Площадь дна могилы составляла 6,4×2,88 м. На дне могилы находилось 4 мужских костяка, из которых трое захороненных были уложены в ряд, а четвертый был расположен в их ногах в явно зависимой роли слуги или раба. Представляется, что мужчина в центре был уложен на помост, от которого зафиксированы шесть столбовых ямок. Эти трое мужчин, уложенных вместе, были явно высокого воинского сословия и сопровождались значитель-

ным набором вооружения. У каждого были клинковое и древковое оружия, колчаны со стрелами и уздечки с удилами. В головах центрального воина находились кольчуга и шлем.

На тазовых костях центрального погр. 25/1 лежала бронзовая кольцевая пряжка. Слева и справа от нее на животе лежали украшения пояса – бронзовые литые с петельками «сапожки» (рис. 5: 1–3). Располагались они горизонтально и, вероятно, в таком положении были прикреплены к поясу при помощи неширокого ремешка, продетого в петельки.

У воина справа от центрального захоронения (погр. 25/2) в районе живота находилась продолговатая бронзовая фигурная пряжка, а несколько ниже ее – остатки железной застежки. По обе стороны от пряжек на животе оказались украшения от пояса – «сапожки» и бронзовые конусы с перекладной внутри (рис. 5: 4, 5). «Сапожки», видимо, подвешивались на ремешках с нанизанными обоймами, а конусы прикреплялись к поясу при помощи ремешка, продетого под петельки.

У воина, захороненного с левой стороны от центрального захоронения (погр. 25/3), в области живота лежала железная пряжка от пояса. По обе стороны от нее лежали украшения пояса – «сапожки» (рис. 5: 2). На тазу было много железной окиси от разложившихся предметов, может быть, обоймы от ремешков, на которые подвешивались «сапожки» (Гришаков, Зубов, 2009, с. 101–104).

По совокупности элементов погребального инвентаря погр. 25 можно датировать 1-й пол. I в. н. э. (Гришаков, Зубов, 2009, с. 42–46, 91).

В грунтовой могиле 50–51 захоронен воин высокого социального статуса (рис. 6). При нем находились предметы вооружения ближнего (палаш, копье), дальнего (наконечники стрел) боя и в составе защитного снаряжения кольчуга и пластинчатый шлем, положенные, как и в погр. 25/1, в головах захороненного. В области живота обнаружена железная прямоугольная пряжка из длинных железных стержней (распалась). По обе стороны от нее лежали поясные украшения – бронзовые «сапожки» и бронзовые конусы (рис. 6: 1, 2), железные пластинки. Все эти предметы располагались поверх таза и под ним. Система украшений ремня захороненного очень близка поясу из погр. 25/2.

В ногах умершего, справа от него, на приступке лежал костяк подростка (погр. 51), явно подчиненного лица, сопровождающего

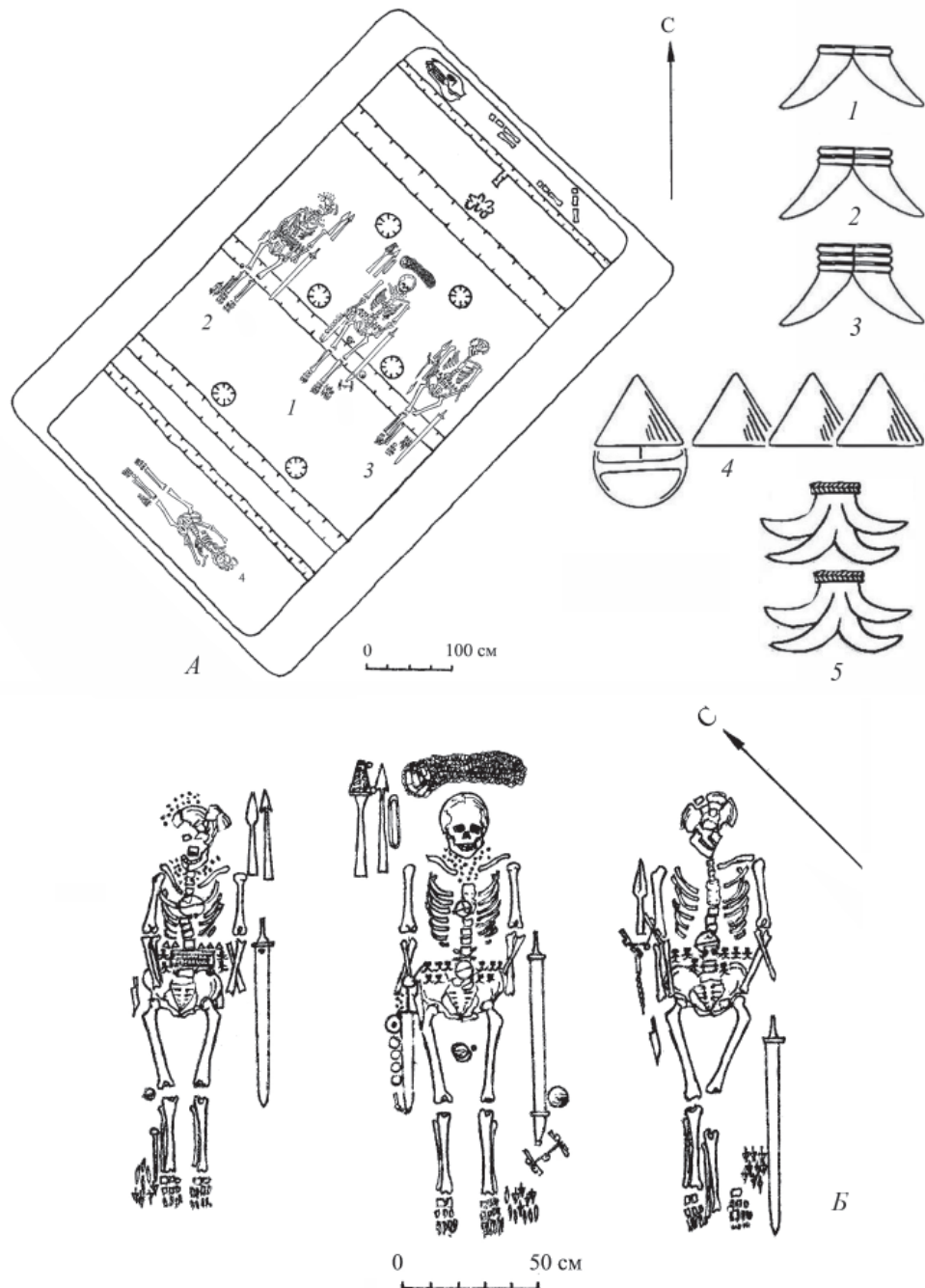

Рис. 5. Андреевский курган. Погребение 25.

А – план погребения 25; Б – фрагмент погребения 25; 1-4 – бронзовые поясные накладки; 5 – бронзовые поясные подвески

Fig.5. Andreevka mound. Burial 25.

A – plan of burial 25; Б – fragment of burial 25; 1-4 – bronze belt plates; 5 – bronze belt pendants

«хозяина» могилы в последний путь (Гришаков, Зубов, 2009, с. 111–112).

В единственной могиле с плечиками Староардатовского кургана находилось захоронение воина с двумя копьями, мечом и наконечниками стрел (рис. 7). Чуть выше тазовых костей в предполагаемой области живота расчищен поясной набор, состоящий из бронзовых пряжки и накладок. Пряжка цельнолитая,

имеет фигурный внешний контур круглого поперечного сечения с удлиненным щитком (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 33-3). На кожаный ремень пояса были нашиты 35 бронзовых накладок в виде спаренных умбоновидных бляшек с ложножгутовой окантовкой и напаянной с обратной стороны планкой (рис. 7: 1).

Анализ погребальной обрядности и сопровождающего инвентаря староардатовского

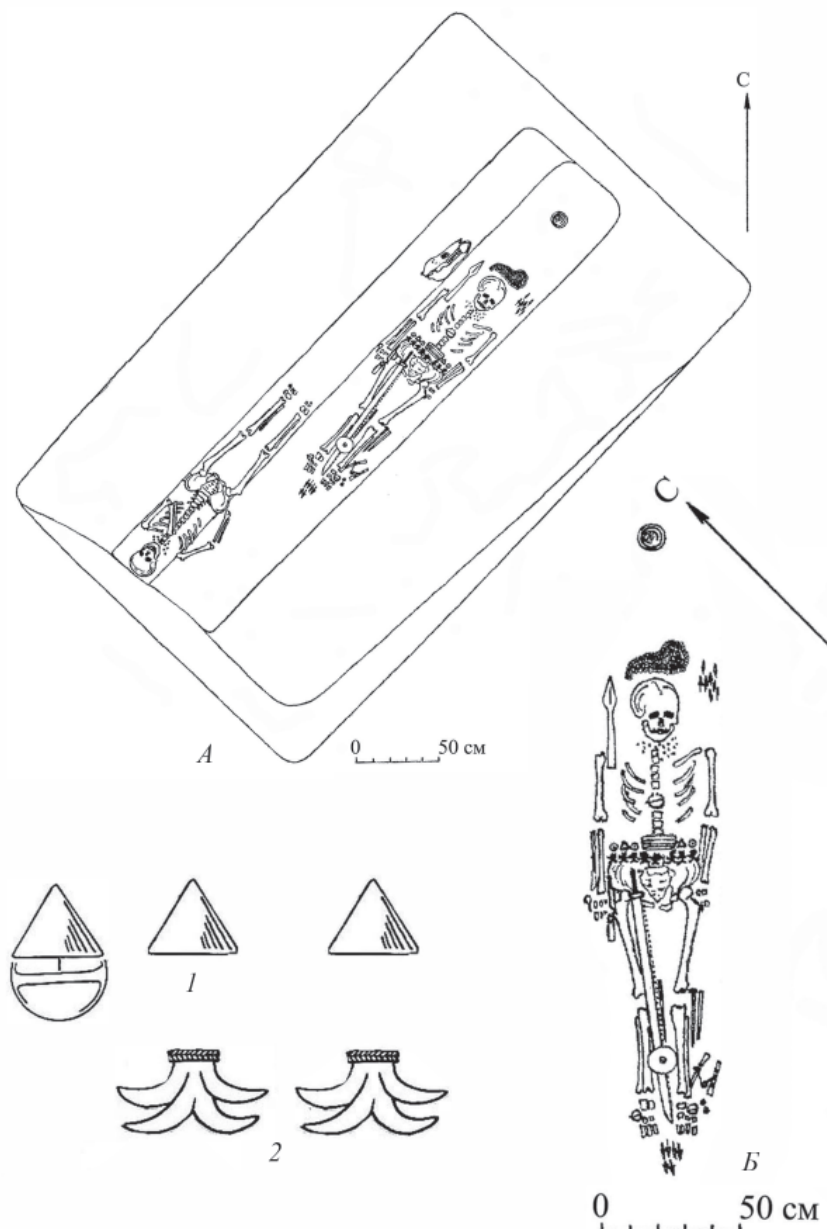

Рис. 6. Андреевский курган. Погребение 50-51.

А – план погребения 50-51; Б – фрагмент погребения 50; 1 – бронзовые поясные накладки; 2 – бронзовые поясные подвески

Fig.6. Andreevka mound. Burial 50-51.

A – burial plan 50-51; Б – fragment of burial 50; 1 – bronze belt plates; 2 – bronze belt pendants

погребения позволяет отнести его к первой группе захоронений, выделенных на основе центральной могилы 25 Андреевки, и датировать примерно серединой I в. н. э. (Гришаков, 2000, с. 52–53; Гришаков, Зубов, 2009, с. 65, 91).

Рассмотрение наборных поясов из ранних захоронений Андреевского и Староардатовского курганов позволяет говорить о сформированной традиции украшения воинских ремней металлическими накладками и подвесками.

Вопрос о появлении такой традиции можно рассматривать в контексте предположения В.В. Ставицкого о возможном участии воинов, оставивших памятники писеральско-андреевского типа, в военных событиях середины I в. н. э., связанных с борьбой Митридата VIII за Боспорское царство (Ставицкий, 2013, с. 137). Знакомство с римскими воинскими поясами, украшенными металлическими накладками, вполне могло трансформироваться в новый элемент воинской субкультуры, но со своей

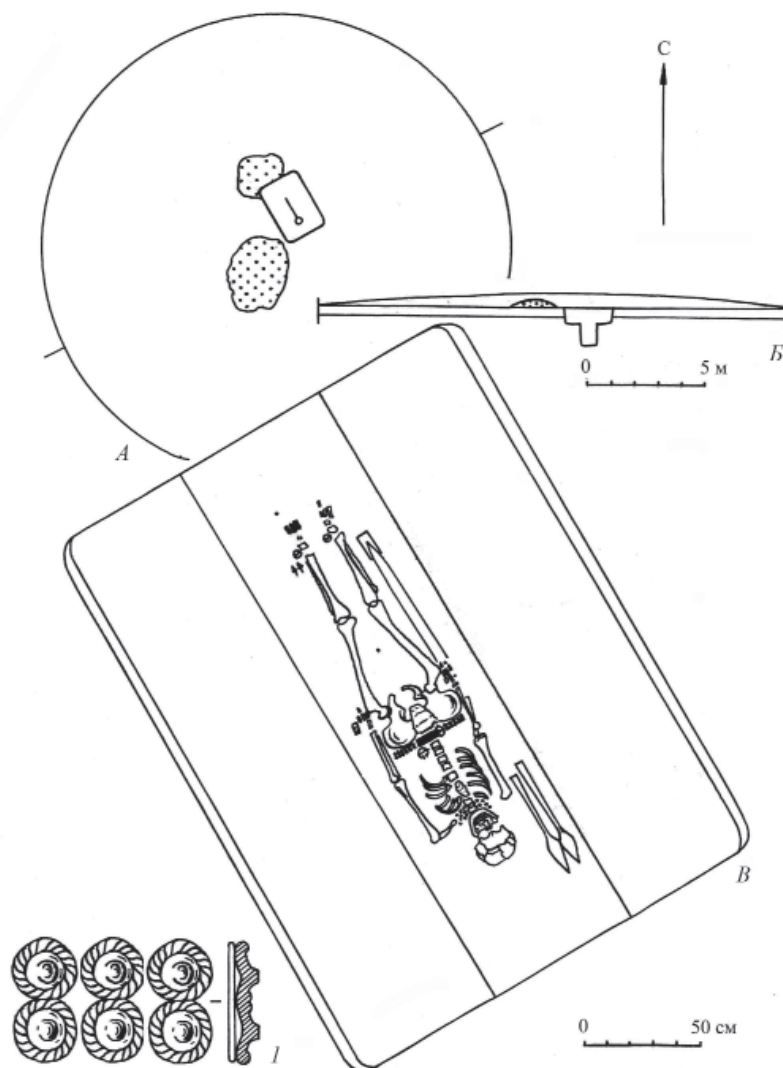

Рис. 7. Староардатовский курган. А – план-схема кургана; Б – план-схема профиля бровки по линии 3-В; В – план погребения 1; 1 – бронзовые поясные накладки.

Fig.7. Staroye Ardatovo mound. А – plan-scheme of the mound; Б – plan-scheme of the edge profile along the 3-B line; В – plan of burial 1; 1 – bronze belt pads

смысловой нагрузкой – в виде изображений клыков хищников или традиционных для оседлого населения лесостепи и леса конических бляшек и ромбовидных накладок.

Интересно, что наборные пояса в среде населения, оставившего памятники писеральско-андреевского типа и пьяноборской

культуры, бытовали только в течение I в. н. э. Очевидно, что данный феномен был одноактным и связан с определенными военно-политическими событиями, давшими некоторый импульс в формировании новых элементов воинской субкультуры, не получивший своего дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушудевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 75–94.

Азбелев П.П. Таштыкский пояс // Древности Сибири и Центральной Азии. 2009. №1–2 (13–14). С. 29–49.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/2. М.: Наука, 1978. 104 с., табл. 20–34.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/3. М.: Наука, 1982. 105 с., табл. 35–54.

Воробьева С.Л. Типология поясных накладок с изображением грифона эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2009.. С. 84–90.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.

Голдина Р.Д. Застежки с крючком Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 150–177.

Гришаков В.В. Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско–писеральского горизонта // Древности Окско–Сурского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2000. С. 44–54.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ. 1990. 164 с.

Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 201 с.

Зубов С.Э. Животный мир в культах и украшениях пьяноборской культуры: к постановке проблемы (по материалам памятников Бельско–Сюньского междуречья) // УАВ. 2021 №1 (21). С. 78–88.

Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том II. История. М.: Ладомир, 1993. 369 с.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л.: АН СССР, 1952. 116 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. Т. II // Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1964. С. 215–231.

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III // Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1968. С. 59–104.

Пшеничнюк А.Х. Кара–абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Ред. Н.В. Бикбулатов и др. Уфа: ИИЯЛ, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

Скрипкин А.С. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Саратовский университет, 1992. С. 3–24.

Ювенал. Сатиры / Пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского, вступ. ст. А.И. Белецкого. М., Л. Academia. 1937. 158 с.

Юрченко А.Г. «300 золотых поясов» в монгольском имперском контексте // MONGOLICA-XIV / Ред. И.В. Кульганек, Л.Г. Скородумова, Т.Д. Скрынникова, К.В. Орлова, Н.С. Яхонтова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 19–29.

Информация об авторе:

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-9773>

REFERENVES

Ageev, B. B., Mazhitov, N. A. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'ia kh Beloi (Archaeological Studies in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 75–94 (in Russian).

Azbelev, P.P. 2009. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 13–14 (1–2), 29–49 (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/2. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/3. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vorob'eva S.L. 2009. In *Etnosy i kultury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: "Institute of Ethnological Studies" Publ., 84–90 (in Russian).

Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).

Goldina, R. D. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 150–177 (in Russian).

Grishakov, V. V. 2000. In Grishakov, V. V. (ed.). *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Oka – Sura Interfluvies Area)* 2. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 44–54 (in Russian).

Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

Dobzhanskii, V. N. 1990. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii (Asian nomad plated belts)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Zubov, S. E. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries). Migrational Processes in the New Ethnic and Cultural Environment, by the Archaeological Data)*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).

Zubov, S. E. 2021. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 21 (1), 78–88 (in Russian).

Publius Cornelius Tacitus. 1993. *Annaly (Annals)*. 2. Moscow: "Ladimir" Publ. (in Russian)

Malov, S. E. 1952. *Eniseyskaya pis'mennost' tyurkov. Teksty i perevody (Yenisey Turkic script. Texts and translations)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Ovsianikov, V. V., Savelev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1964. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 215–231 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 59–104 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).

Skripkin, A. S. 1992. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy khronologii sarmatskoi kul'tury (Issues of the Chronology of Sarmatian Culture)*. Saratov: Saratov University, 3–24 (in Russian)..

Decimus Iunius Iuvenalis. 1937. *Satiry (Satires)*. Moscow; Leningrad: "Academia" Publ. (in Russian).

Yurchenko, A. G. 2015. In Kul'ganek, I. V., Skorodumova, L. G., Skrunnikova, T. D., Orlova, K. V., Yakhontova, N. S. (eds.). *Mongolika (Mongolica)* 14. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 19–29 (in Russian).

About the Author:

Zubov Sergey E. Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation, guberfond@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.